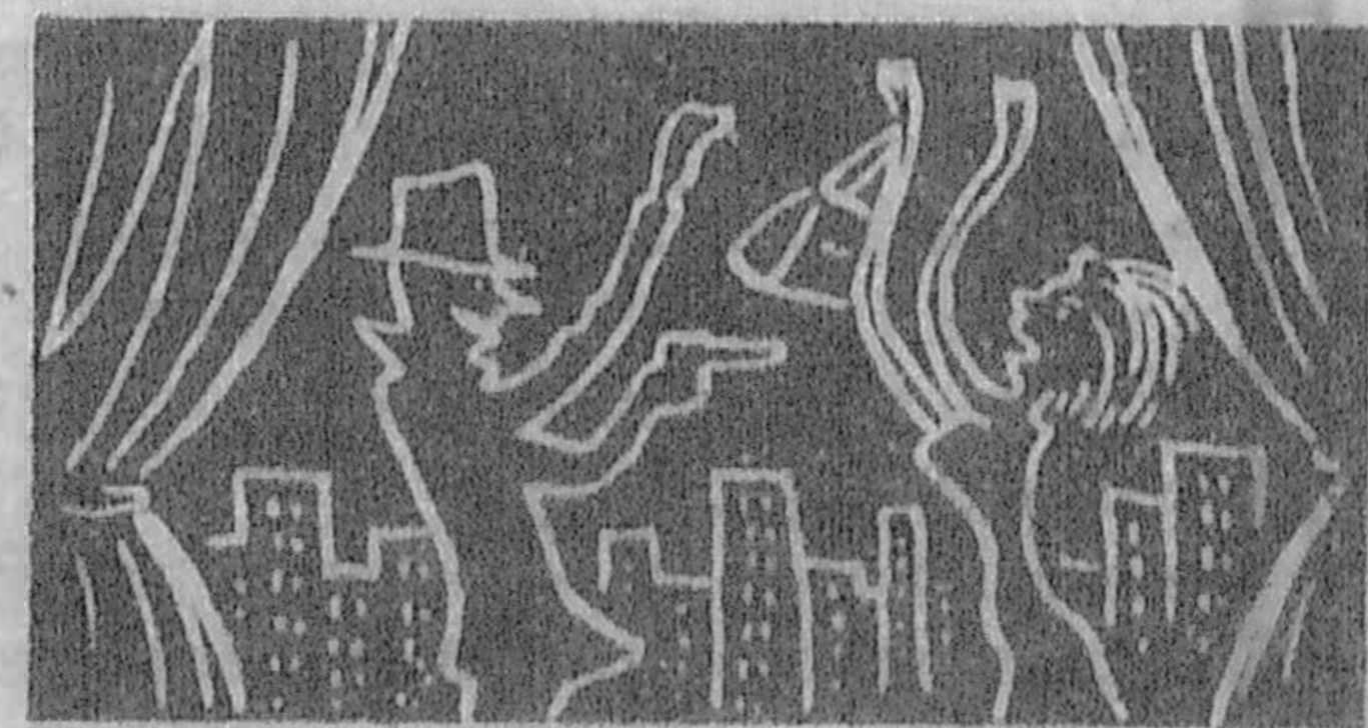

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОГОЛЕВСКИЙ городничий вместе с Хлестаковым объявились этой весной в Вашингтоне... Нет, это не строчка из фельетона. «Ревизора» поставил вашингтонский театр «Арена Стэйдж». Билеты были раскуплены вперед почти на все спектакли, реакция зрителей — отличная, успех спектакля, который идет под названием «Генерал-инспектор», — полный.

Приятно! Тем более приятно, что в прошлом сезоне в «Арене» с таким же успехом шли чеховские «Три сестры», поставленные с любовью и большим уважением к тексту, что не так уж часто бывает в американских театрах.

Причина, может быть, в том, что «Арена» — один из самых серьезных театров Соединенных Штатов, один из самых солидных. В отличие от большинства других у него — постоянная актерская труппа, а не случайная, которую набирают на один спектакль. Театр расположен в отличном современном здании со зрительным залом циркового типа (отсюда и его название). Отсутствие занавеса, кулис, задников делает игру актеров более

сложной, но сам спектакль — интереснее. Во время поездки по Америке мне удалось познакомиться с несколькими те-

слабо освещенной сценой. За столиком — режиссер, два артиста в рабочих комбинезонах разыгрывают мизансцену.

— Моя пьеса называется «Малькольм», по имени главного героя, — шепотом объяснил Олби, когда мы сели в глубине зала. — Это, как видите, совсем еще молодой человек, который только-только вступает в жизнь. Ему нелегко, потому что реальность разбивает иллюзии...

— Сколько раз «Малькольм» пройдет на этой сцене?

— Трудно сказать! — пожал плечами драматург. — Может быть, пятнадцать, двадцать, а может, и двадцать пять раз... Это уже будет хорошо.

Вспомнилась Москва, театральные аншлаги: «сеотый спектакль», «двухсотый...»,

театра на умы американцев говорить не приходится.

Правда, в театральной жизни США бывают и исключения, скорее — эксперименты, которые больше напоминают стихийный бунт, нежели серьезные поиски новых форм существования театра. К такого рода бунтарям-экспериментаторам относятся, например, супруги Джулиан Бек и Джудит Мэлина — режиссеры так называемого «Живого театра». Они придерживаются принципа бездоходного театра и вообще не продают билеты. Плату за билеты заменяют добровольные пожертвования, которые они собирают среди зрителей в антрактах и после окончания спектакля. Однако пожертвования довольно тощие. Поэтому театру приходится пускаться во все тяжкие. Вот так

исполнению. Поэтому, если я говорю об американском театре в несколько минорном тоне, то в основном потому, что все лучшее, что в нем есть, не может стать достоянием широкого зрителя. А в этом уже вина, конечно, не театра, не режиссера и не актеров.

НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

Размышления в зрительных залах Америки

«трехсотый»... Такого в Америке почти не бывает. Театралов здесь не так уж много, а средний американец в театры не ходит: билет стоит отнюдь не дешево. У меня случайно сохранился корешок билета (не лучшего билета) в один из нью-йоркских театров. На нем стоит цена: 11 долларов 90 центов.

Да, театр в Америке дорог. И дорог потому, что первейшая забота ее хозяев — не режиссеров и актеров, а именно

описывает газета «Нью-Йорк таймс» один из способов, каким «Живой театр» пытается раздобыть средства: «Герой пьесы «Связь», поставленной в «Живом театре», ходил в антракте по зрительному залу и выпрашивал у публики день-

...Кстати, о спектакле «Малькольм», на который Эдвард Олби возлагал столько надежд. Он прошел только семь раз.

ЕСЛИ ТЫ НЕ ТРУС...

Гораздо более доступное и поэтому гораздо более массовое зрелище в Соединенных Штатах — кино. Кинотеатров много. В центре Нью-Йорка они выплескивают на прохожих целые лавины неопового огня, рекламируя новые киноленты. На экранах они показывают

ответственность за возможные последствия и призывала слабонервных отказаться от посещения фильмов «Франкенштейн из Космоса» и «Проклятие Вуду». Тем, кто все-таки отважился взять билет, выдавались целлофановые очки, дабы защитить глаза от невероятной яркости космических катаклизмов, снятых на киноплёнку. В фойе зрителей ожидало последнее предупреждение: на возвышении стояла большая клетка, в которой спокойно поклевывала зерно флегматичная белая курица. И надпись на плакате: «Одумайся! Если ты курица, тебе нечего делать в нашем кинотеатре!» (здесь — игра слов: в английском языке слово «курица» и «трус» читаются одинаково).

Как читатель может догадаться, все в зале остаются живыми. Франкенштейн оказался бутафорским картонным чудовищем, которое привезли на землю с другой планеты на космическом корабле, прибывшем с явно агрессивными намерениями. Доблестные американцы, конечно же, побеждают злых пришельцев из космоса, герой спасает героиню и следует традиционный «хэппи энд». Вот и все. Словом, для того, чтобы смотреть этот фильм, вовсе не нужно обладать особым мужеством. Но это ты понимаешь уже после... после того как заплачены деньги за билет.

На этом можно было бы покончить с пресловутым «Франкенштейном из Космоса», если бы не одна характерная деталь. Пришельцы, которые задалась целью уничтожить на земле все живое, почему-то называли друг друга «товарищи». Вряд ли это можно считать случайностью... Видимо, кому-то хотелось, чтобы для кинозрителей этот фильм